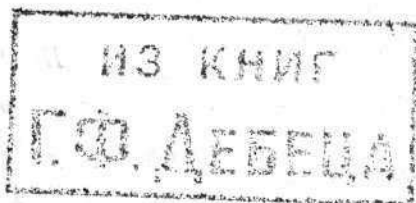

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

СБОРНИК СТАТЕЙ

VI—VII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

VIII. ХРОНИКА

По Советскому Союзу

Сессия по этногенезу Средней Азии

Ниже мы помещаем программу сессии Комиссии по этногенезу и этнографии при Отделении истории и философии Академии Наук СССР по вопросам этногенеза Средней Азии и тезисы докладов, зачитанных на сессии.

Сессия происходила 27—29 августа 1942 г. в Ташкенте.

Значительное запоздание в опубликовании ниже печатаемых материалов объясняется длительным перерывом выхода в свет «Советской этнографии», вызванным военными обстоятельствами.

ПРОГРАММА СЕССИИ

- А. Д. Удальцов. Теоретические основы этногенетических исследований
С. П. Толстов. Основные проблемы этногенеза Средней Азии
Л. В. Ошанин. Этногенез народов Средней Азии в свете данных антропологии
К. В. Тревер. Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э.
С. П. Толстов. Аральский узел этногонического процесса
И. И. Умняков. Тохарская проблема
Л. А. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии¹
А. Н. Бернштам. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии¹
М. М. Герасимов. Восстановление типа ископаемого человека и его значение для решения вопроса этногенеза узбеков
Ц. Д. Номинханов. Следы монгольских племен и родов XIII века, встречающиеся на территории Узбекской ССР
Н. А. Кисляков. К вопросу об этногенезе таджиков.
В. В. Гинзбург. Этногенез таджиков в свете данных антропологии
А. Ю. Якубовский. Из истории этногенеза туркменского народа в VIII—X вв.
Г. И. Карпов.² Этнический состав туркмен
Г. Ф. Дебец.² Данные антропологии о происхождении туркмен

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

А. Д. Удальцов

Теоретические основы этногенетических исследований

1. На наших глазах возникает новая научная дисциплина — этногенетика, изучающая вопросы этногенеза. Такая научная дисциплина может получить подлинную научную постановку и развитие только в Советском Союзе, на основе теории марксизма-ленинизма, с использованием такого прогрессивного учения в области лингвистики, как новое учение о языке Н. Я. Марра, — в противополож-

¹ Тезисы не публикуются, так как в данном сборнике помещен полный текст доклада.

² Ввиду неприбытия докладчиков на сессию текст докладов был зачитан по рукописям.

ность буржуазным этногенетическим построениям, создающимся или кустарно, эмпирически, или же на основе ставшей теперь тормозом для научного прогресса в этногенетике индоевропейской теории, либо еще более реакционных теорий, вроде «расистской» теории германского звериного, разбойничьего фашизма.

2. Ни один вопрос этногенетики не может быть решен правильно, всесторонне, окончательно на основе одного какого-либо приема исследований: археологического, антропологического, лингвистического или исторического, — но только путем одновременного комбинирования всех этих приемов исследования.

3. Этническими единицами в период первобытной общины являются: «племя», состоящее из братрий и родов, и «народность», охватывающая ряд племен; организационной формой, объединяющей в это время племена, является союз племен. В периоды классового общества, при рабовладельчестве и феодализме основными этническими единицами являются: «народ», обычно образующий свое классовое государство, и «народность», а в период ликвидации феодализма и развития капитализма возникают современные «нации».

4. Под этническими особенностями племен и народов мы разумеем конкретную совокупность специфических особенностей, отличающих данную группу людей (племя, народ, народность) от других групп в отношении языка, быта, духовной и материальной культуры. Такая общность в периоды первобытной общины, рабовладельчества и феодализма является устойчивой и отличается от нации — «исторически сложившейся устойчивой общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (Сталин, Марксизм и национальный вопрос).

5. Советская этногенетика изучает не метафизический, раз навсегда установившийся «этнос», но процессы этногенеза в жизни племен и народов, протекающие на основе развития производительных сил и производственных отношений, исторически развивающихся все более тесных взаимных сношений и объединений, скрещений и культурных влияний. Племена и народы развивают свои этнические культурные особенности не в одиночку, изолированно друг от друга, не однолинейно, но в результате общих усилий, взаимных сношений, физических и культурных скрещений. «Ни о едином языке (в смысле народ) утвердить невозможно, чтобы он сначала стал сам собою без всякого приращения» (М. В. Ломоносов).

6. Основной, ведущий процесс этногенеза — от множества к единству, от множества языков и культур мелких племен и народностей к более крупным племенам и их союзам, к более крупным народам и народностям и, наконец, к современным национальным языкам и куль-

турам. Одновременно может проходить и вторичный, побочный процесс распада — племени и народов (на почве их роста) на дочерние племена и народы, процесс, не отменяющий первый, ведущий процесс от множественности к единству. Такова внутренняя диалектика этногенетического процесса, создающая своими противоречиями и неравномерностью развития конкретную для данной эпохи этническую многообразную действительность.

7. В связи с этим разнообразный смысл приобретает и понятие «предков» тех или иных народов и наций. Под «предками» мы разумеем такие племена и народы, которые, качественно отличаясь от своих потомков, в дальнейшем ходе общественного развития, физических и культурных скрещений и этнических трансформаций, участвуя в них целиком или частично, дают качественно новые этнические образования, новые племена и народы и целые народности. Роль этих компонентов в сложении новых этнических единиц может быть различной: то основной, то побочной, причем возможно вхождение их в состав нескольких новообразований.

8. В процессе этногенеза в жизни племен и народов намечаются переломные, критические периоды, когда происходят коренные изменения в общественном строе, когда явления скрещений, укрепления более тесных сношений или внутренней консолидации, переплетаясь и усиливаясь, обуславливают возникновение новых этнических качеств, когда складываются новые племенные группировки, новые народности. К таким периодам, например, относится момент достижения племенами высшей ступени варварства, период развития у них «военной демократии», когда начинают складываться классовые отношения, а военные столкновения с соседями и далекие экспедиции и завоевания становятся повседневным делом в жизни племен. Так идет развитие рабовладельческого строя, но часть племен, минуя рабовладельческую формацию и переживая лишь рабовладельческий уклад, переходит непосредственно в феодальную формацию (например славяне и германцы). Таким переломным периодом в жизни народов является и период ликвидации феодализма и развития капитализма, когда в конце средних веков складываются современные нации.

9. В основу изучения глоттогенетического процесса советская этногенетика кладет новое учение о языке Н. Я. Марра, связанное с представлением о единстве глоттогенетического процесса и о его стадийности, отражающих единство языка и мышления, складывающихся в качестве надстроек над развитием конкретных производительных сил и производственных отношений в тот или иной период истории. Это учение связано с отрицанием индоевропейских понятий «п्राязык» и «пранарод», с отрицанием

изолированных, замкнутых в себе языковых «семейств» и их расовой подосновы.

10. Вместе с тем советская этногенетика опровергает механические и упрощенческие извращения учения Марра, допускающие, например, полное отрицание возможности миграций или сводящие этногенетический процесс к однолинейности и к одним лишь явлениям объеди-

нения, этнической интеграции, с отрицанием явлений этнической дифференциации, подменяющие живые, конкретные племена и народы абстрактными «стадиями» этнического развития населения тех или иных территорий или ограничивающиеся одним формальным палеонтологическим анализом явлений языка и т. д.

С. П. Толстов

Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии

1. Этногенез народов Средней Азии: узбеков, таджиков, туркмен, казахов, киргизов, кара-калпаков и др. — представляет собой сложную комплексную проблему, которая может быть разрешена только совместными усилиями специалистов по истории, археологии, этнографии, лингвистике и антропологии, причем проблема происхождения каждого народа в отдельности не может разрабатываться изолированно ввиду тесной связанности и переплетенности истории этих народов. Проблема должна решаться в масштабе Средней Азии на общем фоне мирового глотто- и этногонического процесса.

2. Проблема этногенеза Средней Азии, как и любой другой страны, разделяется на два центра исследования: а) историю становления тех широких этно-лингвистических общностей, в которые входят отдельные народы, — конкретно в данном случае — становления народов, говорящих на языках иранской ветви индоевропейских и тюркской ветви урало-алтайских языков; б) историю становления отдельных этнических единиц — конкретных народов современной Средней Азии. Обе эти проблемы тесно связаны между собой и должны также разрабатываться одновременно. В данном докладе мы, естественно, остановимся в основном на второй проблеме, лишь вскользь затрагивая первую.

3. Обе проблемы представляют капитальный исторический интерес. Первая особенно актуальна в настоящее время в связи с необходимостью борьбы с фашистскими фальсификаторскими «теориями», в которых вопросы этногенеза индоевропейцев и тюрков занимают немалое место. Разрешение второй имеет первостепенное значение для подготавливаемых ныне в республиках Средней Азии сводных трудов и учебников по истории среднеазиатских народов.

4. Мы до сих пор имеем еще не изжитые отголоски индоевропейской концепции этногенеза, выражающиеся в стремлении рассматривать источники этногенеза как групп народов, так и отдельных народов в метафизическом однолинейном плане. Авторы этих теорий пы-

таются найти для каждого народа один основной этнический корень, который стремятся проследить как можно глубже. Между тем только отказ от этой концепции, признание изначальной сложности этнических истоков каждого народа может обеспечить подлинно научное разрешение проблемы.

5. Это не означает отказа от исследования наиболее глубоких исторических корней культуры каждого народа. Однако эти исследования должны вестись по линии изучения движения этнического состава той территории, где обитает данный народ, или (в сравнительно редких случаях) той территории, где он сложился, если (как это имело место с киргизским народом) основной его массив пришлого для теперешней территории происхождения. Прослеживание процессов этнических взаимодействий в рамках определенных, естественно и исторически ограниченных территорий или социально-политических объединений, оказывавшихся территориально стабильными и воспроизводившимися не раз в ходе исторического процесса, и составляет содержание этногенетического исследования. Установление той древнейшей территориальной общности, в рамках которой начался процесс складывания исследуемой народности, и древнейшего этнического состава населения этой территории и есть выяснение древнейших исторических корней данного народа как этно-исторической индивидуальности.

6. Для народов Средней Азии такими древнейшими территориально-политическими общностями, в рамках которых начался процесс их этногенеза, являются устанавливаемые для второй половины I тысячелетия до н. э.

а) для узбеков — Кангхское царство (Кангюй китайских источников);

б) для таджиков — Бактрия (Тохаристан);

в) для туркмен — дахско-массагетские племенные союзы;

г) для казахов — сакские племенные союзы;

д) для каракалпаков — племенные союзы «массагетов болот и островов»;

е) для киргизов, основной процесс

сложения которых протекал вне территории Средней Азии, — динлинские племенные союзы.

Каждое из отмеченных объединений было этнически крайне сложным, включая частью одни и те же — в различной комбинации, частью различные этнические элементы, взаимодействие которых с последующим включением разнообразных внешних компонентов (хунны, тюрки, персы, монголы) в конечном счете привело к завершению процесса этногенеза среднеазиатских народов. На заре истории на территории Средней Азии взаимодействуют:

а) яфетические еще народности с архаическим языковым строением протурало-алтайской (сумерский и протоугорский тип) и протоиранской (хеттоидный и фрако-киммерийский тип) ветви;

б) уже сложившиеся группы индоевропейских языков (североиранская или, вернее, скифо-сарматская ветвь) — согдийцы, хорезмийцы, аланы и др.; представители большинства всех этих групп были налицо почти в каждом из перечисленных выше объединений, в разных, однако, пропорциях.

Инфильтрирующиеся с востока и запада пришлые группы в значительной мере представляют результат происшедшего вне среднеазиатской территории скрещения сходных этнических элементов; индоевропейская и тюркская системы речи не проникли в Среднюю Азию извне, хотя, когда та и другая уже сложились, народы этих систем не раз проникали извне в Среднюю Азию.

Средняя Азия представляет собой один из важнейших узлов и индоевропейского и урало-алтайского глоттогенеза; роль ее в этом процессе определяется ее географическим положением.

7. Важной задачей является определение того узлового исторического момента и того территориально-социального объединения, когда и где этногонический и глоттогонический процесс данного народа достигает ступени, близкой к завершению, когда становятся ясными его грядущие этно-лингвистические результаты.

В данном случае такими моментами и территориями являются:

а) для узбеков — государство караканидов XI—XII вв.;

б) для таджиков — основная территория государства саманидов IX—X вв.;

в) для туркмен — западноугуские политические объединения IX—XI вв.;

г) для казахов — восточнокипчакские (половецкие) политические объединения XI—XII вв.;

д) для каракалпачков — печенежские политические объединения IX—XI вв.;

е) для киргизов — Киргизское государство VI—VIII вв. и государство каракитаев XII в., с которыми, видимо, связано переселение киргизов в Семиречье.

Мы видим, таким образом, что примерно в одно время (с незначительными отклонениями в ту или другую сторону) этот процесс достигает у разных народов Средней Азии своей кульминационной точки, за которой язык и культура этих народов до конца средневековья не претерпевают качественных изменений, меняясь лишь количественно. Характерно при этом, что заложенные к этому периоду основы этнической общности оказываются настолько значительными, что все последующие политические изменения играют лишь сравнительно незначительную роль, добавляя новые ингредиенты к уже сложившемуся этническому массиву.

С точки зрения единства исторического процесса важно отметить, что время, когда складываются основные ядра среднеазиатских народностей, почти совпадает с временем сложения основных народностей Европы.

Мы видим, таким образом, что при наличии очень давно сложившихся историко-территориальных общностей, на базе которых из разнородных, аборигенных и пришлых этнических элементов шел процесс консолидации современных среднеазиатских народов, ни один из этих народов не восходит непосредственно к какой бы то ни было из этнических групп древности. Наоборот, как правило, как древние местные, так и пришлые народы вошли в различных пропорциях в состав нескольких, а иногда и всех народов Средней Азии, а частью и народов за ее пределами.

Так, согдийцы вошли в состав узбеков и таджиков, массагеты — в состав туркмен, узбеков, частично таджиков, частично каракалпачков, динлины и раннесредневековые киргизы — в состав хакасов и алтайцев и т. д. Близкие родственники среднеазиатских саков — европейские скифы — принимали участие в этногонии большинства восточноевропейских народов; древние тюрки и более поздние тюркские группы — печенеги, кипчаки, канглы, частично огузы — в этногенезе различных групп татар Восточной Европы; печенеги и огузы — в этногенезе украинцев и русских и т. д. Таким образом, народы Средней Азии связаны древними кровными и культурными узами с большинством народов нашего великого Союза.

8. Если основные черты этнических типов современной Средней Азии складываются к X—XII вв., то это не значит, что этногонический процесс на этом и заканчивается. Он продолжается и дальше, осложняя состав каждого народа новыми ингредиентами, развивая процесс скрещения и аккультурации. И лишь для XIX—XX вв. мы можем говорить о консолидации современных среднеазиатских наций, процесс которой окончательно завершается лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Важнейшими моментами этого процесса являются:

а) монгольское завоевание XIII в., приведшее к внедрению некоторых монгольских племен в состав кочевых народов Средней Азии и к передвижению ряда немонгольских восточных групп на ее территорию (монгольские племена найманов, барласов, джелайров, мангытов и др.; кытай, уйгуры и т. д.); однако эти новые ингредиенты ассимилируются местной языковой и культурной средой, лишь в очень слабой степени влияя на ее особенности;

б) государство Тимура и Тимуридов, способствовавшее консолидации восточно-среднеазиатских тюркских групп и сыгравшее крупную роль в оформлении средневекового узбекского литературного языка;

в) образование узбекского и казахского союзов и внедрение золотоордынских узбеков в Среднюю Азию.

Еще для XIX в. нельзя говорить о полном завершении национальной консолидации. Пережитки феодализма сказываются в этнической раздробленности (племенные группировки и противоречия у туркмен и казахов, деление на социально-этнические группы и пережитки племенных делений у узбеков, территориально-лингвистические деления у таджиков).

Великая Октябрьская социалистическая революция, покончив с пережитками феодализма, определила быстрое развитие и завершение процесса национальной консолидации, выработку единых национальных языков, изживание социально-этнической раздробленности, завершение процесса формирования национальных по форме и социалистических по содержанию культур народов советской Средней Азии.

Л. В. Ошанин

Этногенез народов Средней Азии в свете данных антропологии

1. Всякое национальное объединение включает в себя в процессе своего исторического формирования различные этнические элементы (племена и роды) и различные человеческие расы (локальные биологические типы людей).

2. В ряде случаев различные национальные объединения включили одни и те же этнические элементы и одни и те же расы, в других случаях — разные расы, но одни и те же этнические элементы, в третьем ряде случаев — разные племена и роды, но одни и те же расы.

3. Поэтому при разрешении проблем этногенеза необходимо четко различать такие понятия, как нация, племя, род, язык, относящиеся к социальным категориям, от понятия «человеческая раса», относящегося к биологическим признакам людей, населяющих ту или иную территорию.

4. В силу сказанного проблемы этногенеза в целом настолько сложны, что для их разрешения требуются совместные труды историков, лингвистов, этнографов, археологов и антропологов. Данные антропологии могут дать особенно ценные указания для разрешения вопроса о том, вошло ли в состав данного национального объединения местное население или пришлое из других областей; если же имело место смешение местного и пришлого населения, то какое из них преобладает.

5. Для разрешения этих вопросов необходимо пользоваться методом сравнительно антропологического изучения различных этнических групп с выявлением их расового состава и определением исходных центров распространения различных человеческих рас. В этом отношении Средняя

Азия, частью благодаря исследованиям московских и ленинградских антропологов, частью благодаря нашим исследованиям, является одной из наиболее изученных областей Союза.

6. Население Средней Азии, однако, не стоит изолированно, а является лишь частью населения, во всяком случае, большей восточной половины Европейско-Азиатского континента. Поэтому при изучении антропологического состава народов и племен Средней Азии необходимо принимать во внимание и антропологический состав населения сопредельных с ней стран, в особенности Передней Азии, Ирана, Индии, Восточного Туркестана и Монголии, с которыми Средняя Азия находилась в той или иной степени в многовековых исторических связях. Относящиеся сюда материалы частью собраны нами среди групп, пришедших из сопредельных стран (арабы, жанды, белуджи), частью же нами использованы материалы зарубежных исследователей (по антропологии Индии, Гибета и Восточного Туркестана).

7. Помимо изучения антропологического состава современного населения Средней Азии и сопредельных с ней стран сугубо важным является изучение палеоантропологии, т. е. костных материалов из этнически и хронологически датированных погребений. Такие исследования только начинаются. Пока же нет достаточных палеоантропологических материалов, имеют свое значение исторические известия об антропологических признаках различных племен и народов прошлого. Такими, например, сообщения китайских летописей о типе населения от Давани (Ферганы) до Аньси (Парфии); их же сообщения об

усуных; сообщения Аммиана Марцеллина, Иордана и Прокопия Кессарийского о гуннах и так называемых «белых гуннах», или эфталитах; сообщения Макдиси о длинноголовости современных ему гузов; сообщения Гардизи о типе современных ему киргизов или сообщения Гипократа о физических особенностях скифов.

8. Конечной целью сравнительно-антропологического изучения всех собранных материалов является восстановление истории формирования населения Средней Азии в целом и отдельных населяющих ее народов (наций) и племен при неперменном условии согласования данных антропологии с данными истории и сравнительного языковедения. Лишь в том случае, когда выводы антропологии не только не противоречат выводам историков и лингвистов, но с достаточной степенью убедительности подтверждаются ими, проблемы этногенеза можно считать в основном разрешенными.

9. На основании двадцатилетнего изучения антропологического состава населения Средней Азии и сопредельных с ней стран, пользуясь указанным методом «тройного параллелизма» (сопоставление данных антропологии с данными истории и лингвистики), автор выделяет в населении Средней Азии и сопредельных с ней стран следующие шесть «антропологических пластов», каждый из которых занимает свою определенную территорию и отражает в основном этногенетический процесс данной области.

10. I. Северная область. Эта область, говоря суммарно, лежит к северу от Сыр-Дарьи, в пределах Казахстана и Киргизстана и заселена одноименными национальными объединениями, окончательно сложившимися на ныне занимаемой ими территории. Сравнительно-антропологическое изучение казахов и киргизов показывает, что их основу составляет монголоидный (азиатский) расовый тип лишь с небольшой примесью европеоидных рас. Это вполне согласуется с географическим положением данной области как ближайшей к исходному ареалу большой монголоидной расы. Согласуется такой расовый состав и с данными истории и лингвистики. Так, с точки зрения последовательных смен этнического и языкового состава данная территория характеризуется следующими особенностями: а) ранним исчезновением здесь таких древнейших насельников, как сэ, юэджи и усуни (к VIII в. н. э.); двум последним, согласно историческим известиям, мы можем приписать европеоидный тип; б) ранним появлением здесь (II в. до н. э. — V в. н. э.) монголоязычных (жужани) и тюркоязычных (сяньби) племен и последующим господством ряда тюркских племен, которых историки считают выходящими с Алтая; в) незначительным проникновением сюда выходцев из среднеазиатского междуречья (согдийские колонии), которое

является центром распространения особой европеоидной расы.

11. II. Центральная область, или среднеазиатское междуречье. Эта область лежит в равнинах между бассейнами Аму- и Сыр-Дарьи и заселена ныне узбеками и таджиками. Сравнительно-антропологическое изучение узбеков, таджиков, казахов и киргизов показывает, что среди таджиков и узбеков, в противоположность казахам и киргизам, явно преобладает своеобразный брахицефальный европеоидный тип, которому автор дал наименование расы среднеазиатского междуречья. покойный московский антрополог А. И. Ярхо назвал этот тип памиро-ферганской расой. Параллельно тюркизации Мавераннахра по языку шла монголизация его населения по типу. Эта монголизация значительно сильнее выражена у узбеков по сравнению с таджиками, что вполне согласуется с данными истории и лингвистики.

12. III. Южная, или закаспийская, область. Ныне заселена различными туркменскими племенами. Сравнительно-антропологическое изучение этих племен показывает, что среди них явно преобладает долихоцефальный европеоидный элемент — особый вариант так называемой средиземноморской расы. Географически этот вариант средиземноморской расы можно проследить в виде двух ветвей: северной и южной, сходящихся в пределах Северной Индии. Южная часть представлена рядом племен Северной Африки, кочевыми арабскими племенами (бедуинами) Аравии, некоторыми племенами Ирана и Северной Индии. Северная ветвь в прошлом входила в состав скифских (сакских) племен Закаспия и Хорезма и скифо-сарматских племен прикавказских, приазовских и причерноморских степей. На основании сопоставления некоторых известий арабских географов и западных историков автор считает туркмен «потомками» местных скифских (сакских) племен, позднее тюркизированных по языку и вошедших в состав гузов и тюрков-сельджуков. Параллельно с тюркизацией по языку шла антропологическая монголизация местного средиземноморского европеоидного типа. Монголоидные элементы выражены у некоторых туркменских племен даже сильнее, чем у узбеков.

13. IV. Памиро-Алайская область Лингвистически обособленные мелкие иранские племена Памиро-Алая (ягнобцы, язгулемцы, рушанцы, шугнанцы, ишканинцы, горанцы и ваханцы) вовсе не подверглись монголизации по типу. Свойственный им брахицефальный европеоидный тип занимает, по некоторым признакам, промежуточное положение между брахицефальными европеоидами Мавераннахра и Передней Азии. Таджики Каратегина, Дарваза и верховьев Зеравшана ближе стоят к расе среднеазиатского междуречья, чем перечисленные выше мелкие иранские племена. Заселение Памиро-Алая шло со сто-

роны Согда и Бактрии еще до тюркизации этих областей по языку и монголизации их по типу.

14. V. Хорасанская область. Вследствие многовековых связей Средней Азии с Ираном необходимо было учесть приток населения из сопредельных областей последнего. Однако в состав исследованных автором персов Хорасана и азербайджанцев персидского Азербайджана вошел своеобразный европеоидный долихоцефальный тип, отличный по ряду признаков от туркменского. Этому типу, по центру его распространения, автор дал наименование «хорасанской расы». Она явно преобладает и среди иранцев (по языку персов) и среди тюрков (по языку азербайджанцев). Степень весьма вероятного участия ее в расовом составе туркмен пока не может быть уточнена.

15. VI. Переднеазиатская область имеет своих представителей в Средней Азии в лице евреев, сохранивших, в противоположность среднеазиатским арабам, распространившимся в местном населении Мавераннахра, ярко выраженный переднеазиатский расовый тип. Тип этот не принял сколько-нибудь значительного участия в формировании населения Средней Азии, как показало сравнительно-антропологическое исследование автором евреев, арабов и таджиков. Вместе с тем Передняя Азия представляет большой интерес для изучения Средней Азии благодаря наличию ярких параллелей в этногенезе и расогенезе двух междуречий: переднеазиатского и среднеазиатского.

16. Сопоставляя свои материалы с данными по антропологии Индии и Восточного Туркестана, автор приходит к заключению, что европеоиды Индии, не говоря уже о дравидийских племенах, не приняли существенного участия в формировании населения Памиро-Алая и Мавераннахра. Расовая связь туркмен с долихоцефалами Пенджаба отмечена выше. Из исследованных автором народов дравидийский тип ясно выступает у белуджей. Что касается Восточного Туркестана, то сюда имел место со стороны Мавераннахра заметный приток населения, принадлежащего к расе среднеазиатского междуречья.

17. Объективное изучение антропологического состава населения Средней Азии и сопредельных с ней стран решительно опровергает расистскую «теорию» германо-фашистского антрополога Ганса Гюнтера, выпустившего недавно тенденциозную книгу о «северной расе среди индо-германцев Азии». В этой книге Ганс Гюнтер стремится доказать, что все древнейшие культуры Средней Азии и сопредельных с ней стран обязаны своим происхождением переселению сюда «высшей», «арийской», «нордической» расы, пришедшей из Центральной Германии.

На деле в состав населения Средней Азии вошли местные европеоидные и монголоидные расы, последовательно включившиеся в состав различных ее народов, творивших культуру Средней Азии в прошлом и творящих ее в современности.

К. В. Тревел

Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э.

Вопрос об этногенезе народов, населяющих Среднюю Азию в древности, имеет большое значение для освещения вопросов сложения современных народов Средней Азии, Узбекистана в частности.

Несмотря на отрывочность и разноречивость сведений, которыми мы располагаем относительно и состава и судеб этих народов, на основе и письменных, и археологических, и лингвистических данных мы имеем все же возможность проследить линию развития некоторых народов, как, например, линию «массагеты — аланы — огузы — туркмены» или линию «саки — согдины — таджики», с одной стороны, и «саки — согдины — тюрки — узбеки», с другой стороны.

В настоящем сообщении речь может идти только об основных народах, и целый ряд положений может быть высказан только в виде рабочих гипотез.

Вопрос о саках. В тексте Накши-Рустемской надписи Дария дается перечень трех сакских народов. Наиболее ве-

роятным представляется следующее их историческое и географическое расселение в VI—V вв. до н. э.: сака-хаумаварка — в Фергане, где они начали переходить к оседлым формам жизни; сака-тиграхауда — за Сыр-Дарьей и в Семиречье, сака-тара-дарайя — или европейские саки (скифы) или же обитавшие за Аму-Дарьей массагеты.

Вопрос о массагетах. Гипотеза об идентичности массагетов с «заморскими», или «заречными», саками, с которыми боролись Кир и Дарий и которые представляли собой большой союз племен (mas-sakuta по Christensen'у и Junge), находившихся на различном уровне своего общественного развития.

Отсутствие массагетов в перечне народов Средней Азии в надписях Дария.

Данные за и против точки зрения Ремюза—Клапрота—Франке—Толстова, отождествляющих массагетов с да-юэ-чжи (gwei-ti) китайских текстов.

Несостоятельность точки зрения Марк-

варта, основанной на использовании народной этимологии термина «массагеты».

Вопрос о генетической связи массагетов с сарматами-аорсами-аланами и туркменами.

В о п р о с о д а я х. Гипотеза, основанная на данных Авесты (где среди неарийцев перечисляются и даи) и сводящаяся к тому, что название это — собирательное имя для тех местных племен, которых здесь застали арийцы и которые обитали «к востоку от Каспийского моря» (Герцфельд называет их каспиями).

Невозможность установления при наличных данных их этнической принадлежности.

Широкий диапазон их расселения, частичная ассимиляция их с саками и ошибочное отождествление их с последними.

Какая-то связь даев с сарматами ввиду упоминания их в Авесте рядом с народом Сайрима.

В о п р о с о с о г д и й ц а х — одном из сакских народов, очень рано перешедшем к оседлым формам жизни. Предпочтительность гипотезы Марра по сравнению с теорией В. Миллера и Томашека.

В ассимиляции с другими народами согдийцы вошли в состав не только таджикского, но и узбекского народа, передав ему богатый опыт земледельческой и городской культуры.

В о п р о с о с к и ф а х - а б и я х и сопоставление их с народом апасака («водными саками»).

С проблемами этногенеза народов Средней Азии связан вопрос еще о двух народах, упоминаемых у Геродота: о париканях и саттагидах, из которых последние упоминаются и в надписях Дария под именем саттагуш или чаттагуш.

Герцфельдовская точка зрения на идентичность как подчиненных Дарию париканьев Геродота, так и Паркана Бундахишна с Ферганой находит подтверждение в некоторых данных китайских источников, а также в археологических данных.

Гипотеза об отождествлении саттагидов Геродота (чаттагуш надписей Дария), исходя из контекста этого названия в обоих случаях, а также на основании некоторых археологических данных, не с Пятиречьем Индии, а с нашим Семиречьем.

С. П. Толстов

Аральский узел этногонического процесса

1. С момента возникновения сравнительного индоевропейского языкознания бассейн Аральского моря становится в концепциях подавляющего большинства исследователей проблемы этногенеза индоевропейцев центральным узлом этногонического процесса. В бассейне Аральского моря и питающих его великих среднеазиатских рек ищут родину индоевропейцев Роде (1820), Шлегель, Потт, Клапрот, Риттер, Лассен, Л. Гримм, М. Мюллер, Пиктэ, Шлейхер, Сэйс, Линк, Юсти и многие другие авторы XIX в.

2. После принятия в конце XIX в. теории Латама (1851) о европейской прародине индоевропейских народов Средняя Азия отступает в теориях индоевропейского этногенеза на второй план. Однако в проблеме происхождения индоиранских народов Аральский бассейн еще долго занимает центральное место. Лишь в XX в. под влиянием открытий, сделанных в Бюргазском архиве, в европейской, особенно немецкой, литературе все больше выдвигается гипотеза западного происхождения индоиранцев и юго-западного (малазийско-кавказского) пути их движения на Средний Восток.

3. Однако и до настоящего времени очень значительная часть исследователей-иранистов склоняется к старой концепции, ведущей индоиранцев с северо-востока (из Средней Азии) на юг и на запад, предпочитая северный, циркумкаспийский путь

их движения в Среднюю Азию с древнейшей европейской прародины.

4. Ряд исследователей-индоевропейцев, как Шрадер, попрежнему включают Аральский бассейн в достаточно широко конструируемую прародину индоевропейцев, простирающуюся, по мнению этих авторов, от Центральной Европы до Окса и Яксарта.

5. Открытие Пумпелли культуры Анау (1903—1904) выдвинуло теорию среднеазиатского происхождения древнейшей цивилизации Сумера и Передней Азии в целом. Черты урало-алтаизма в сумерском языке, подмеченные уже давно, заново выдвинутые Гоммелем и подхваченные турецкими историками и лингвистами, послужили основанием для конструкции среднеазиатской прародины тюркских народов, древнейшие следы которых якобы связаны с носителями культуры анау-сузианского типа, распространявшимися из Средней Азии в Элам и Сумер.

6. Вместе с тем уже Томашек выдвинул гипотезу о том, что в Иране и Средней Азии индоиранскому и тюркскому элементам предшествовал более древний, который Томашек сближает, с одной стороны, с кавказскими, с другой — с тибето-гималайскими племенами. Эта теория получила впоследствии развитие в работах Гюзинга и особенно Герцфельда, который сконструировал особую «каспийскую» этнолингвистическую группу. Этой группе им

приписывается создание памятников крашеной керамики Ирана, Ирака, Индии, Анау. «Каспи» Герцфельда соответствуют «алародийским» или «азияническим» народам и «яфетидам» Марра. Индоевропейские народы рассматриваются в этих новейших теориях как пришельцы, причем инды и иранцы ведутся с запада через Малую Азию и Кавказ, а родственные иранцам саки — с севера, из аллювиальных равнин Окса и Яксарта, из Аральского бассейна.

7. Опыт дешифровки Б. Грозным мохенджодарских иероглифов привел его в его последних работах к новому выдвигению Средней Азии на роль древнего и крайне важного узла в процессе индоевропейского этно- и глоттогенеза.

8. Яфетическая теория Н. Я. Марра поставила по-новому проблему этногенеза и индоевропейцев и урало-алтайцев, сняв старые дискуссии о локализации индоевропейской и урало-алтайской прародины.

Установив в языках обеих групп доисторические пласты, роднящие их с яфетическими языками, и придя к теории стадильности в истории языковых трансформаций, Н. Я. Марр вместе с тем подчеркнул особую роль средиземноморского бассейна как центра наиболее интенсивного развития глоттогонического процесса, под влиянием которого идет развитие языков более или менее отдаленной периферии Старого Света.

9. В работах учеников Н. Я. Марра эта конкретно-историческая сторона его теории отошла на второй план. Теория Н. Я. Марра свелась в социологической концепции стадильной трансформации языков к общей формулировке тезиса о «единстве глоттогонического процесса», без вскрытия его конкретно-исторического содержания, и к критике теории праязыка и прародины. Принимая целиком эту критическую и социологическую сторону теории Н. Я. Марра, мы не можем, однако, этим удовлетвориться. Для настоящего этапа развития этногенетических исследований важным является установление тех конкретных для каждой страны путей, на которых проявляется констатированное Н. Я. Марром единство глотто- и этногонического процесса. С этой точки зрения старые споры о роли среднеазиатского Двуречья в индоевропейском и урало-алтайском этногенезе вновь становятся для нас небезразличными.

Что касается конкретно-исторической концепции Н. Я. Марра, то его тезис о Средиземноморье как основном центре глотто- и этногонического процесса в свете новейших археологических открытий и этнолого-лингвистических исследований может быть принят лишь с весьма существенными оговорками. Крупнейшую историческую роль, несомненно, играл пока мало исследованный индоокеанский бассейн, в сфере этнических взаимоотношений которого решаются многие проблемы лингвистических корреспонденций между ныне

весьма далекими этническими группами. Видимо, есть все основания предполагать, что в мировом процессе этногенеза индоокеанский очаг сыграл не меньшую, а скорее большую роль, чем средиземноморский, имевший более ограниченную сферу влияния.

Положение Средней Азии на стыке обоих великих мировых очагов этногонического процесса делает ее роль в нем особенно крупной и позволяет поставить вопрос о ней как о третьем, внутриконтинентальном очаге этногонического процесса.

10. Археологические исследования в Аральском бассейне позволяют установить для неолита и бронзового века наличие двух культурных провинций: а) земледельческая культура крашеной керамики предгорий, близко родственная аналогичной культуре Мохенджодаро, Суз, Малой Азии и, видимо, соответствующая «каспийским» народам Герцфельда, и б) микролитонидная культура охотников и рыболовов, а впоследствии — пастухов-скотоводов и примитивных земледельцев со штампованной керамикой — в аллювиальной равнине, родственная культурам евразийского севера и, видимо, через бассейн Гильменда-Гамуна связанная с не входящими в круг мохенджодарских форм культурами Северной Индии.

Если для первой группы есть основания предполагать палеояфетические формы речи, следы которых отложились в тохарском, то для второй возможно искать родство с дравидийскими и, может быть, частично, с австроазиатскими (мунда) языками.

Следом этого являются, с одной стороны, мунда-дравидийские элементы в финно-угорских языках, привнесенные, повидимому, в неолите и ранней бронзе в родственную палеоазиатам среду северных языков, с другой — вершицкий (буришский) язык Гиндукуша, связываемый, с одной стороны, с яфетическими языками Кавказа, с другой — с мунда и частично дравидийскими, а также родственный дравидийским язык брагуев Белуджистана.

Возможно, что с этими процессами связано проникновение незначительных негроидных примесей в состав населения Восточной Европы и Западной Сибири.

11. В бронзовом веке в процессе скрещения каспийско-яфетических и мунда-дравидийских элементов складывается на востоке индоевропейская лингвистическая общность. Повидимому, в бассейне Аральского моря этот процесс идет особенно интенсивно, причем древнейшим пластом индоевропейского глоттогенеза оказывается тот же палеоиндоевропейский пласт, который представлен, с одной стороны, в так называемом индоевропейско-хеттском и в Средней Азии проявляется в тохарском, с другой — в языках народов фрако-фригийско-иллирийского круга. Этот последний широко отражен в этно- и

топонимике, в мифах и верованиях и в большом количестве языковых фактов в Средней Азии.

Видимо, лишь значительно позднее, в процессе скрещения этих палеоиндоевропейских языков между собой, так и с сохранившимися еще доиндоевропейскими языками, в бассейне Нижней Аму- и Сыр-Дарьи, в Приаралье, слагается индоиранская группа языков, распространяющаяся отсюда на северо-запад (иранский элемент в скифском и сарматском, аланы), на юго-запад (мидяне, персы), на юг (индоарийцы).

Этот процесс разворачивается на рубеже II и I тысячелетий до н. э. и связан с первым великим общественным разделением труда и возникновением первых примитивных государственных образований, из которых в данном процессе решающую роль играет Айрьянем-Веджо—Кангха—Хорезм, область Приаралья и нижнего и среднего течения Аму- и Сыр-Дарьи с их притоками.

12. С образованием палеоиранского центра в Хорезме и на нижней Сыр-Дарье связана волна культурно-языковых влияний этого центра на народы Западной Сибири, Урала и Восточной Европы, отразившихся, помимо образования близко родственных хорезмийцам североиранских групп на Северном Кавказе (аланы, осетины), в многочисленных следах языковых и культурных палеоиранских влияний, до сих пор сохранившихся у угорских и финских народов евразийского севера. Видимо с этими же процессами связано формирование ираноидного пласта в языке и культуре вендо-славянских племен.

13. Однако кочевое и охотничье-рыболовное население среднеазиатских аллювиальных равнин и казахстанских степей оказывается слабо втянутым в этот процесс, продолжая в значительной мере сохранять доиндоевропейские и палеоиндоевропейские племенные языки. Так, видимо, массагеты говорят на языке, род-

ственном фракийскому, дахи и тохары — на яфетидо-хеттоидном и т. д.

Среди этих языков наиболее приспособленными к функциям межплеменной коммуникации в условиях подвижных кочевых политических объединений оказываются языки сингармонически-агглютинирующего типа. Их роль особенно повышается в связи с втягиванием в эти процессы народов более глубоких областей северной и северо-восточной Азии, говорящих на языках групп, близких к палеоазиатским. Процесс этот, выступающий с особой силой в событиях II в. до н. э. — IV в. н. э., приводит в конечном счете к формированию на базе скрещения протоугорских языков Казахстана, динлинских языков южной Сибири, гуанских языков Монголии с яфетическими и палеоиндоевропейскими языками Средней Азии тюркской системы языков, в которой сингармонически-агглютинирующий строй достигает своего расцвета.

14. Данное скрещение идет встречными волнами — более ранняя инфильтрация на север и восток приаральских групп (тохары, массагеты и др., проникающие, видимо, уже около середины I тысячелетия до н. э. до северо-западных границ Китая, не говоря уже о более ранних археологически установленных волнах) и ответное движение центральноазиатских и сибирских групп кочевников в Среднюю Азию во II в. до н. э. — VI в. н. э.

15. В этот процесс втягиваются постепенно и палеоиранские группы Аральского бассейна: хорезмийцы, согдийцы и палеоиндоевропейцы-тохары, составляя ту крайне скрещенную тюрко-индоевропейскую лингвистическую среду, на базе которой идет последующее развитие узбекского языка. В частности, еще в X—XI вв. регистрируется наличие скрещенного тюрко-иранского языка устюртских аланов и не тюркского и не иранского языка области Кердера в правобережье Нижнего Хорезма.

И. И. Умняков

Тохарская проблема

1. Современное состояние вопроса о тохарах позволяет расчленить этот вопрос и выделить два этнических комплекса: а) тохары, вторгшиеся со стороны Яксарта в Бактрию и в числе других народностей принявшие участие во II в. до н. э. в разрушении Греко-бактрийского царства и затем осевшие на территории, впоследствии по их имени называвшейся Тохаристаном, и б) народ или народы, обитавшие в Центральной Азии, языку которых в Западной Европе присвоено название «тохарский».

2. Греческий географ Страбон, писав-

ший в начале I в. н. э., единственный из античных авторов говорит о тохарах как непосредственных участниках в числе других народностей в разрушении Греко-Бактрии. Остальные античные писатели периода I в. до н. э. — IV в. н. э. лишь упоминают тохаров в числе других народностей Центральной Азии.

Сведений о тохарах за предшествующее время в античной литературе, повидимому, нет.

Тохаров (Tukhara, Tusare) индийских источников скорее можно рассматри-

11. Динарский тип населения Хорезма V—VI вв. н. э. по данным двух восстановленных черепов из оссуариев.

12. Пример этногенетического процесса формирования современного узбекского

типа, иллюстрируемый династией тимуридов по материалам реконструированных портретов Тимура, Шахруха, Улуг-бека и Мухаммед-султана.

Ц. Д. Номинханов

Следы монгольских племен и родов XIII века, встречающиеся на территории Узбекской ССР

(к вопросам этногенеза узбекского народа)

1. Монголы под предводительством Чингиз-хана в XIII в. завоевали Среднюю Азию. После ухода главных сил Чингиз-хана на родину, в Монголию, в Средней Азии остался второй сын Чингиз-хана — Джагатай с полученными от отца в наследство монголами.

2. Монголы, оставшиеся в Средней Азии, быстро ассимилированы местным населением, но все же в продолжение ряда веков (XIII—XV) играют известную роль в жизни народов Средней Азии. Ведение переписки на монгольском языке, употребление монгольского платья при Тимуре (Клавихо, посланник Генриха III Кастильского ко двору Тимура, Абуль-гази и др.), издание монгольско-тюркского словаря «Muqaddimat al-Adab» (XV в.) и т. д.

3. Из тех монголов, которые пришли в Среднюю Азию с Чингиз-ханом, на территории Узбекистана зафиксировано 15 родоплеменных названий: мангыт, кунград, конегез, катаган, джалаир, дурмен, барлас, каучин, кутчи, барки, могол, джерас, алот, татар, дуглат, и народы: джагатай, джете, калмак, представители которых в настоящее время называют себя узбеками.

4. Исследование топонимики Узбекистана показало, что на территории Узбекской

ССР имеется 86 кишлаков, носящих названия монгольских этнических групп; основных — 10: монгол, джалаир, кунград, чапар, хутчи, каучин, барлас, буркут, турбат, дурмен, и народы: калмак, джагатай, уйрат, чонгар, и 33 кишлака носят названия монгольского происхождения: дархан, дарга, карши, конук, паулган и др. Кроме того, отмечены монгольские географические названия: кок-котель (перевал), сандаль (пик), ташагун-бель (перевал), шаста-дан (перевал) и др.

Территориально кишлаки с монгольским этническим названием встречаются главным образом в Самаркандской (26) и Бухарской (24) областях.

5. Выводы. На основании данных материалов по районированию Средней Азии (Бухара и Хорезм), которые использованы по вопросу распространения монгольских племен и родов в Узбекистане, а также по данным топонимики Узбекистана подтверждаются данные хроники, что монгольские племена и роды, действительно, жили на территории Узбекской ССР и оставили свои следы в названиях узбекских этнических групп, что, несомненно, показывает участие монгольских элементов в формировании узбекского народа.

Н. А. Кисляков

К вопросу об этногенезе таджиков

1. Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники и памятники материальной культуры, свидетельства античных писателей, персидские клинописные надписи, китайские свидетельства, равно как и находки первых четырех десятилетий XX в. в Центральной и Средней Азии, с достаточной определенностью говорят об этническом составе населения северных районов современной таджикской оседлости в древности, о согдийцах, населявших, вероятно, уже и тогда бассейн р. Зеравшана, и о саках, кочевавших в прилегающих к оседлым районам степях. Как те,

так и другие принадлежали, как это теперь вполне уже доказано, к числу иранских народностей.

Родственно близкое им население проживало и на территории современного северного Афганистана. Я имею в виду иранское же население Бактрии, так называемых бактрийцев.

2. О районах современного горного Таджикистана к югу от Гиссарского и Алайского хребтов и к северу от Амударьи имеется очень мало исторических данных. Это положение остается вполне справедливым и для первых четырех-пяти

веков исторической жизни Средней Азии. Можно лишь догадываться, что горный Таджикистан в древности был заселен племенами, близкими согдийцам и бактрийцам, возможно даже — и сакам. Можно предполагать, что часть рассматриваемой территории была заселена бактрийцами.

3. Во II в. до н. э. на территории современного южного Таджикистана впервые появляется народность, известная под названием юэ-чжи (юе-ши) или тохаров, в китайской транскрипции ту-хо-ло; тохары известны также под названием кушан. Иранское происхождение кушан в настоящее время, насколько мне известно, хотя и оспаривается еще, но лишь очень немногими. Местность по верхнему течению Аму-Дарьи получила название Тохаристана по имени указанного народа, и название это сохранялось еще в первые века арабского завоевания.

В эпоху, предшествовавшую арабскому завоеванию, территория, заселенная в настоящее время таджиками, продолжала делиться на две части: Согдиану и Тохаристан, как это нам достоверно известно из свидетельства Сюэнь-Цзяна (630 г. н. э.). Последний указывает границу между Согдианой и Тохаристаном, которая проходила по Байсунским горам, а далее, как можно думать, по хребтам Гиссарскому и Алайскому. Как население Согдианы — согдийцы, так и население Тохаристана являлось, вероятно, тем основным элементом, который принял участие в формировании таджикского народа.

О населении Согдианы — согдийцев мы имели на всем протяжении древности, а также на протяжении средневековья, вплоть до XI в., довольно обильные сведения. Нам известны благодаря более ранним находкам в Центральной Азии и недавним — в северном Таджикистане язык и письменность согдийцев. Мы знаем также довольно много фактов из области материальной культуры согдийцев, их социального устройства, верований; нам хорошо известна их широкая торговая и колонизаторская деятельность.

4. Совершенно иначе обстоит дело в отношении нашей осведомленности о тохарах как в эпоху до арабского завоевания, так и в эпоху, наиболее обильную сведениями исторического и этно-географического характера, в эпоху арабских географов и династии саманидов. Правда, в эту последнюю эпоху нам довольно хорошо известна политическая и культурная жизнь Тохаристана.

Области Тохаристана, особенно — западные, по рекам Сурхану, Кафирнигану, Вахшу и Кызыл-су, в это время были густо заселены и жили хотя и несколько обособленной, но культурной жизнью. В политическом отношении они делились на ряд владений, управляемых самостоятельными династиями, лишь номинально зависевшими от саманидских эмиров. Крайней на западе областью являлся Саганиан, где

имелось до 16 тысяч селений; в главном городе была цитадель, крытые базары с мечетью посредине; в каждый дом была проведена вода; окрестности города были покрыты густой растительностью. В южной части была расположена другая область с большим городом Тармизом. На территории современного Гиссара находились области Ахерун и Шуман, между Кафирниганом и Вахшем — области Вашгирд и Кувадиан. Первая из них славилась производством шафрана, а из второй вывозилась марена.

Область Вашгирд граничила с владениями турок, против набегов которых здесь было возведено до 700 укреплений. Между Вахшем и Пянджем находилась область Хутгаль или Хутталян; это было могущественное владение, правители которого выводили свою родословную от династии сасанидов. К востоку, на территории современного высокогорного Таджикистана, находились области: Рашт, Керран, Шикинан, Вахан, которые, хотя и уплачивали подати мусульманам, жили тогда, как и много веков позднее, своей обособленной жизнью.¹

Я позволил себе несколько задержаться на этих известных в науке из сочинений арабских географов сведениях, с тем чтобы подчеркнуть, насколько подобная полнота известий о культурно-политической жизни резко контрастирует с полным отсутствием известий об этническом составе населения, о его языке и письменности. Сведений этих мы не находим и у Сюэнь-Цзяна, который отметил лишь существование в Тохаристане письма из 25 букв, вероятно, согдийского происхождения, так как писали слева направо. Ни слова о языке или письме населения Тохаристана не говорят также и мусульманские авторы; единственным исключением является упоминание автора XII в. Самани о «буквах, бывших там в начале Ислама, известных, записанных в книгах».²

5. Отсутствие сведений о языке и письменности населения Тохаристана является одним из наиболее крупных пробелов в выяснении вопроса этногенеза таджиков. Раскопки, произведенные в начале текущего века в Центральной Азии, и находки письменности на двух языках, один из которых (язык I) обнаружен в Куче, а другой (язык II) — в Хотане, породили многочисленную литературу, связанную с попытками определить то один, то другой из обнаруженных языков как язык тохарский. Не вдаваясь в подробности, напомним лишь, что язык I, достаточно изученный, приближается скорее к европейским языкам, в то время как язык II следует счи-

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, СПб., 1900, стр. 66 и сл.

² В. В. Бартольд. К вопросу о языках согдийском и тохарском, Иран, I, Л., 1927.

тать иранским. Находка документов на языке II в местности к востоку от Хотана, именно там, где находилась страна ту-хо-ло Сюань-Цзяна (по Бичурину, малые юэ-чжи), привело некоторых исследователей, в частности Сталь-Гольштейна и Стейна, к тому выводу, что именно язык II следует считать тохарским, хотя рядученых, в особенности немецких, считали тохарским язык I, относя язык II к сакским языкам. Повидимому, мнение Сталь-Гольштейна, разделенное и покойным Бартольдом, имеет под собой больше оснований, но отсутствие данных о языке и письменности населения южного Таджикистана в ту эпоху лишает возможности, как известно, сделать соответствующие выводы. Мы не можем здесь пройти также мимо мнения Стейна, пришедшего к убеждению, что современные горные таджики являются родственными населению Хотана VIII в., о чем, по его мнению, говорят не только характер языка II, но и антропологические данные.

6. В период арабского завоевания и в эпоху саманидов происходит процесс утраты согдийским населением своего языка и замена его таджикским, одновременно с чем в восточной части согдийской оседлости идет процесс замены согдийского языка тюркским. До настоящего времени не имеется ни исторических, ни лингвистических исследований по этому, весьма интересному и существенному вопросу. В. В. Бартольд приводит любопытное свидетельство Махмуда Кашгарского о двуязычии во второй половине XI в. согдийцев Семиречья и о последней стадии утраты ими согдийского языка, когда были люди, говорившие по-согдийски, но уже не было людей, говоривших только по-согдийски. Вероятно, такую же стадию двуязычия переживало и население собственно Согдианы, и говорило оно по-согдийски и по-таджикски, а впоследствии стало говорить только по-таджикски.

7. Тот же процесс замены местного языка (вероятно, одного из иранских наречий, может быть, тохарского) языком таджикским происходил, как можно предполагать, и на территории Тохаристана. Когда и как длительно совершался этот процесс, для нас остается неизвестным. Было бы совершенно бездоказательно и вряд ли правильно считать, что в Тохаристане таджикский язык существовал еще до или в эпоху арабского завоевания или что он вытеснил местные наречия ранее X—XI вв., т. е. ранее того, как в Согдиане таджикский язык пришел на смену согдийскому.

Известно, что носителями и проводниками таджикского языка в первую очередь являлись культурные слои общества, знать, группировавшаяся при дворе правителей, вероятно сначала в Хорасане (Нишапур, Мерв), а затем в Бухаре; затем этот язык сделался языком городских слоев общества и лишь впоследствии проник в деревню; постепенно он стал проникать

в менее культурные, географически более изолированные горные районы Тохаристана, и стал проникать туда позднее, может быть, даже значительно позднее, чем распространялся в городах и в более доступных внешнему влиянию сельских местностях равнины.

После этих предварительных замечаний перехожу к изложению, на основе языковых и этнографических данных, моих соображений о том, на каком языке говорили предки современных горных таджиков и какова была их этническая принадлежность.

8. Как я старался показать выше, таджикский язык мог проникнуть в Тохаристан с запада, может быть, с северо-или юго-запада, с равнин, игравших и в политическом и в культурном отношении более значительную роль, чем интересующие нас горные районы. Спешу оговориться, что я отнюдь не хочу представить процесс проникновения таджикского языка как явление насильственное, связанное с истреблением носителей старого языка. Мне думается, что проникновение это явилось результатом мирных сношений, широкого культурного общения носителей того и другого языков между собой, и лишь отчасти результатом выселения с равнин в горы отдельных групп таджиков, бежавших, может быть, от опасности, которую им несло вторжение тюркских и других завоевателей.

На основании только что сказанного мне представляется вероятным, что распространение таджикского языка в Тохаристане происходило постепенно, в направлении с запада на восток.

9. Это представление, на мой взгляд, подтверждается еще и тем фактом, что таджики так называемых припамирских районов, восточных районов Таджикистана, и до настоящего времени сохранили свои особые, отличные от таджикского иранские языки: язгулямский, рушанский, шугнанский, ишкашимский, ваханский, с рядом наречий.

Если мы, действительно, допустим, что исчезновение местных языков или наречий в результате продвижения таджикского языка происходило постепенно с запада на восток и что этими местными языками являлись языки, близкие современным припамирским, являющимся лишь немногими остатками ранее более широко распространенных языков, то мы имеем основание думать, что следы припамирских языков могут быть встречены в современных таджикских горных говорах.

10. В этой связи остановимся на открытых в 1915 г. И. И. Зарубиным в долине реки Ванджа остатках старованджского языка. В это время еще живы были старики, которые в детстве слышали от своих дедов старый ванджский язык и могли сообщить из него несколько слов, сохранившихся в их памяти. По словам И. И. Зарубина, несмотря на немногочис-

ленность, эти слова позволяют судить о принадлежности исчезнувшего языка к памирским.¹ Автор приводит 33 старованджских слова и прибавляет, что в современном ванджском говоре, несомненно, имеются значительные остатки вымершей речи и что некоторые термины, в частности термины, относящиеся к жилищу, весьма сходны с памирскими.

Открытие следов одного из старопамирских языков именно в долине р. Вандж, т. е. на территории, непосредственно соседней с областью распространения современных памирских языков, является лучшим доказательством исчезновения старых языков в горном Таджикистане и именно в направлении с запада на восток.

11. Горные таджики, населяющие районы к западу от р. Ванджа — Дарваз и верхнюю часть долины р. Хингоу — употребляют особые таджикские говоры, известные в настоящее время под именем дарвазских; дарвазские говоры распространены и среди современного населения долины Ванджа.

Не являясь специалистом лингвистом и тем более специалистом по памирским языкам, я могу говорить лишь о некоторых соответствиях и сходствах, наиболее бросающихся в глаза, и полагаю, что лингвисты в свое время займутся более глубоким анализом этого вопроса.

Дарвазские говоры имеют много интересных особенностей, отличающих их от других таджикских говоров, но насколько эти особенности вызваны влиянием памирских языков во всей полноте, судить трудно. Укажу хотя бы на такую особенность, как перестановка частицы «те» на конец глаголов в формах настоящего времени.

Другие особенности дарвазских говоров, равно как и особенности говоров Каратегина, недавно изученных А. З. Розенфельд, имеют прямое соответствие с памирскими языками. Отмеченные ею особенности в каратегинских говорах в связи с памирскими языками можно отнести и к дарвазским говорам. Укажем среди них спирализацию *b* и замену его губно-губным *w* и губно-зубным *v* (*law* || *lab*, *ova* || *oba*, *šitow* || *šitob*).

Переход *ü* в *i*, столь характерный для дарвазских говоров и встречающийся также в говорах Каратегина, характерен и для памирских языков. Употребление форм «*bī*», «*bīj*» вместо «*būd*» является одним из характерных признаков дарвазских говоров вообще. Отметим и другие примеры в каратегинских говорах: «*gīzašt*, *zardoli*».

Укажем также наличие и большое распространение в памирских языках редуцированного гласного *ə*, в ваханском языке, являющегося даже фонемой. Этот же глас-

ный крайне характерен и для дарвазских говоров, однако он не является здесь фонемой. Гласный *ə* встречается также и в Каратегине и лишь как редкое исключение далее к западу, например в Гиссаре. М. С. Андреев этот гласный звук в слове «*dəl*» (сердце) отмечает только для Дарваза и Каратегина, а в слове «*zəmiston*» (зима) — для Дарваза и Гиссара. В северо-западных таджикских говорах этот звук, насколько мне известно, отсутствует.

12. Еще более характерным является наличие лексических соответствий памирских языков и дарвазско-категинских говоров таджикского языка.

Приведу несколько наиболее ярких, с моей точки зрения, примеров.¹ Из области материальной культуры отмечу такие, например, слова как «*qūbōga*» — глиняная миска — в рушанском языке и в том же значении в Каратегине и Дарвазе; «*gaqza*» — местное сукно — в бартангском языке, в Каратегине и Дарвазе; «*viček*» — козленок — в бартангском и рушанском, «*bīca*» — в Вахио-боло; «*qaiḅ*» — завистливый, ревнивый, зложелатель — в бартангском, недобрый, горячий — в Вахио-боло; «*āi*» — свободный, освобожденный — в орошорском, «*ot*» — свободный в Вахио-боло в некоторых значениях, например: «*dam ot s d*» — мне легко стало дышать; «*vēgā*» — вечер — и в орошорском, и в Вахио-боло; «*palit*» — сор, отбросы — в мунджанском, и то же слово в значении скверный, гадкий в Каратегине; «*kalarōi*» — в рушанском — вниз, «*kalaro*» в том же значении в Вахио-боло; орошорский глагол «*luv*», «*luvd*» — говорить — находит себе соответствие в выражении «*lu kupt*» — позови — в Вахио. Отметим еще слово «*qal*» в орошорском языке и в дарвазских говорах, означающее сейчас, пока еще и, насколько я знаю, не встречающееся в других таджикских говорах. Слово это встречается, между прочим, и в местной дарвазской поэзии, например: «*qal bedume ki tu ši zūfa paraḡsu kaḡaḡi*» «сейчас, когда знаю, что ты, душенька, распустила свои локоны», или в форме «*paḡ qalake: guft rame paḡj avau boz biḡomat paḡqalake*» — сказала: я иду туда, сейчас воровать» (Мулло Дуст Ягидский).

13. Остановлюсь еще на вопросе топонимики. К сожалению, топонимика юго-восточной части Таджикистана еще почти совершенно не изучалась, и материала по этому вопросу имеется очень мало. Одним из любопытных названий, встречающихся как на Памире, так и в Дарвазе и Каратегине, является слово «харф» (харв), служащее обычно второй составной частью названий кишлаков или местностей. Можно указать

¹ И. И. Зарубин. К списку памирских языков. ДРАН, 1924, апрель—июнь.

¹ Памирские соответствия взяты из опубликованных И. И. Зарубиным материалов.

кишлаки Шихарф, Сарышхарф в Вахане, перевал Шитхарф на Памире, кишлак Вшихарф в Язгуляме, кишлаки Рохарв, Тешарв на Вандже, кишлак Висхарв || Висхарви и перевал того же имени в Дарвазе; там же кишлак Пшихарф, кишлак Сабзихарф в долине Хингоу, Муджихарф в Каратегине и, наконец, Гусхарф в долине Варзоба. Как видим, самый крайний из известных нам на западе кишлак с окончанием названия на «харф» встречается в Гиссаре, в северо-западном углу Тохаристана. Каково бы ни было значение слова «харф», его распространение, одинаково в припамирских районах, в Дарвазе, Каратегине и Гиссаре, крайне симптоматично.

Из других географических названий мне хотелось бы указать название реки «Хингоу», первая часть которого не находит себе объяснения ни из таджикского языка, ни у местных жителей. Однако орошорское слово «хё» — синий, может быть, позволит нам расшифровать название «Хингоу» как «синяя река», «синяя вода».

Слово «ришта» в Каратегине и Дарвазе и «рихта» в Орошоре одинаково означает нагорье, горы. В долине Хингоу это слово мы находим также в названии кишлака Пуштарог. Отметим попутно, что и самый термин «гоф», входящий второй составной частью в ряд географических названий, является столь же загадочным и вызывает не менее интереса, чем термин «харф». Отмечу еще орошорское слово «вип» в значении дно, основание, нижняя часть, встречающееся, например, в названии кишлака Дашти-бун в Вахио-боло и могущее быть объяснено из орошорского как «нижняя равнина», что соответствует и действительно местоположению кишлака.

Заканчивая рассмотрение памиро-таджикских соответствий и следов памирских языков в горнотаджикских говорах и в топонимике края, сошлюсь здесь на слова И. И. Зарубина в той же работе о средне-ванджском языке, где он говорит, что, несомненно, сравнительно недавно количество памирских языков было значительнее, чем в настоящее время и вымирание их происходит почти на глазах. Здесь Зарубин ссылается на Гриссона, которым сделано подобное же предположение относительно Бадахшана.

14. Этническая общность, единство происхождения памирских таджиков и таджиков Каратегина, Дарваза, Гиссара, возможно и Куляба, говоривших в отдаленные времена на общих, близких наречиях или языках, находит себе подтверждение и в том факте, что таджики только что перечисленных местностей отличаются резко бросающейся в глаза культурной общностью. Более всего обращает на себя внимание единство материальной культуры; здесь я остановлюсь кратко лишь на двух явлениях в этой области — на земледелии и жилище.

Как и самый земледельческий процесс, иногда даже в мельчайших подробностях,

так и сельскохозяйственные орудия в Каратегине, Дарвазе и в припамирских районах сходны между собой. Стоит только приглядеться к приемам молотбы или к сноске урожая на спине с гор, и сразу можно заметить, что никакой или почти никакой разницы в этих приемах не существует. Отмечу в этой связи, что название сохи в юго-восточных таджикских говорах «sipog» в отличие от северо-западного «omas» распространено также и на Памире: мунджанское «səpəga», язгулямское «səpīg», ишканимское «wuspīg», шугнано-рушанское «səpəga», бартангско-орошорское səpog, ваханское səpud. Укажу еще на слово «web», обозначающее в бартангско-рушанском сноп и встреченное мной в том же значении в долине р. Хингоу.

Но, пожалуй, наиболее разительным примером общности материальной культуры таджиков указанных районов может служить старый тип жилища, которому в 1939 г. я посвятил одну из своих статей. Указание на общность типа жилища населения юго-восточных горных районов Таджикистана и жилища населения Припамирья было сделано в литературе еще в 1925 г. И. И. Зарубиным, который говорит о своеобразном типе жилища горцев, «едином от Каратегина до Канджута». Этот тип жилища, который мы находим в Каратегине, Вахио, Дарвазе, Вандже и Припамирье, характеризуется массивностью самой постройки, имеющей прямоугольную форму, с плоской кровлей, глинобитный пол с системой возвышений и с проходом посредине, отсутствием окон, заменяемых колодцеобразным отверстием в крыше, и отоплением помещения при помощи очага «по-черному», т. е. без дымохода. Колодцеобразное отверстие это носит в Каратегине и Дарвазе название «gizap», а у припамирского населения «gizp» и имеет свой прототип в древних архитектурных сооружениях, одно из которых приводит Лекон в его «Bildertafel zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens», привлекая для сравнения фотографию Стейна с заснятым на ней припамирским жилищем. Сходны и многие термины, относящиеся к жилищу, не говоря уже специально о термине «gizap-gizp». Например, орошорское «būsa» — проход, вход из сеней внутрь жилища, дарвазское «pisa» — стенка, отделяющая этот проход от очага в Вахио-боло; «calak» — углубление в глинобитном полу — в Орошоре для стока воды, в Вахио — для разведения огня. Весьма любопытно отметить, что указанный тип жилища распространен только в бассейне верхнего течения Аму-Дарьи, т. е. на территории древнего Тохаристана, и что по соседству с Каратегиним, но уже в бассейне Зеравшана, мы встречаем отличный от описанного тип горного жилища.

15. Из области социальных отношений следует обратить внимание на церемонию свадьбы и целый ряд связанных с ней об-

рядов, ибо именно в свадебных обрядах сохраняются наиболее древние пережитки. Здесь же мы могли бы указать на тождество обрядов, связанных с определением и передачей калыма в прошлом, на самый характер калыма, которому велся счет на единицы ценностей — «kola», и т. п.

16. В области поверий и народных преданий отмечу два обычая, связанных с наличием упомянутого отверстия в крыше (gizap, guzm), встреченные как в Припамирье, так и в Дарвазе. Первый обычай — бросание ложек в gizap на предмет гадания о будущем урожае, в зависимости от того, как упадет ложка — дном кверху или вниз. Второй обычай — отмечать время дня и время года по солнечному лучу, проникающему в gizap. Любопытным является наличие особого счета-календаря по частям человеческого тела, известного на Памире и встреченного мной также в Вахио-боло. Из числа поверий обращает на себя внимание обычай запрещения в течение семи дней после выхода на летнее пастбище появления на нем мужчины, известный в Припамирье, в Каратегине и Дарвазе.

Все указанные явления красноречиво говорят о единстве культуры всего населения юго-восточного горного Таджикистана,

несмотря на различие в языках.

17. Подводя итоги всему сказанному, я полагаю вполне вероятным, что: а) припамирские иранские языки, сохранившиеся теперь на незначительной территории, в прошлом были языками всего населения Тохаристана или по крайней мере занимают по отношению к этим последним примерно такое же положение, какое язык ягнобский занимает в отношении согдийского языка; б) современное ираноязычное население, живущее на территории древнего Тохаристана, т. е. горные таджики Припамирья, говорящие на особых языках, и таджики Дарваза, Каратегина, Гиссара (возможно, и Куляба) имеют общее происхождение.

Окончательный ответ на эти вопросы, а также на вопрос об отношении утраченного коренным населением языка к языку тохарскому и связи населения юго-восточного Таджикистана с тохарами возможен лишь в результате обнаружения новых археологических материалов на территории Таджикистана и, в первую очередь, письменных памятников, на что указал уже В. В. Бартольд в цитированной нами статье «К вопросу о языках согдийском и тохарском».

В. В. Гинзбург

Этногенез таджиков в свете данных антропологии

1. Предположений о происхождении таджиков было высказано весьма много. На основании локальных и даже индивидуальных вариаций расового типа таджиков и исходя при этом из метафизических миграционных установок во взглядах на образование расового типа, широко распространенных в конце прошлого и в текущем веке в буржуазной науке, таджикам в целом или их отдельным локальным и даже социальным группам приписывалось самое различное происхождение. В таджиках предполагали и местное население в его различных комбинациях, и пришельцев из Ирана, Афганистана, Индии, Передней Азии и даже Европы. Сводку высказываний, при которых учитывались антропологические данные, можно найти в моей книжке «Горные таджики».

2. В настоящее время признано, что таджики являются потомками древних аборигенов страны. Наиболее поздними их предками являются согдийцы, обитавшие во II тысячелетии до н. э. и в I тысячелетии н. э. в южной части области среднеазиатского Междуречья до Гиссарского хребта на юге. Южнее Гиссарского хребта до Гиндукуша предками таджиков, повидному, являются тохары, о которых, в противоположность согдийцам, имеется очень мало сведений.

3. Многочисленные завоеватели Средней Азии, под власть которых на большее или меньшее время подпала Согдиана, хотя и оказывали иногда громадное влияние на ее культуру и развитие общественного строя, но большей частью сами растворялись в массе местного населения, смешиваясь с ним. Процесс значительного поглощения завоевателей местным, более культурным населением происходил и позже, при образовании в середине II тысячелетия н. э. узбекского государства.

4. Местное население, как указывает В. В. Бартольд, стало называться таджиками лишь к концу I тысячелетия н. э. Вначале так назывались завоеватели-арабы по имени одного из арабских племен, потом этим именем стали называть вообще всех лиц, применявших ислам, — как завоевателей, так и местных аборигенов. Этим термином именовали и персов, попадавших в Среднюю Азию, а потом турки распространили его на говорящих на иранских языках местных аборигенов, за которыми это название и осталось.¹

5. Гористая местность способствовала тому, что население разных районов обита-

¹ В. В. Бартольд. Таджики. Исторический очерк. Сборник «Таджикистан», Ташкент, 1925.

ния таджиков соприкасалось с завоевателями в разной степени: в низменностях и предгорьях значительно больше, чем в высокогорных районах. Население малодоступных долин и ущелий этих районов развивалось в условиях сравнительно большей изоляции даже друг от друга. В результате этого здесь сохранились малые количественно, но многочисленными народы (рушанцы, шугнанцы, ваханцы и другие племена Западного Памира, а также ягнобцы), сохранившие до последнего времени свои диалекты наряду с распространенным уже всюду таджикским языком.

Такая изоляция заставляет предполагать, что в горных районах население соприкасалось с пришлыми элементами в гораздо меньшей степени, чем в равнинах, и совсем мало в тех глухих теснинах, в которых сохранились обособленные диалекты. В этом отношении наибольший интерес для нас представляют ягнобцы, живущие в верховьях Зеравшана, почти в центре древней Согдианы, и сохранившие благодаря довольно большой географической изоляции свой древний язык, в котором имеются элементы согдийского (близкого к санскриту). Это было причиной поисков в этих местах рядом буржуазных ученых прародины индоевропейских языков и народов.

Более изолированные условия общественного развития в высокогорных районах заставляют предположить, что здесь лучше сохранился расовый тип аборигенов страны, чем в предгорьях и особенно в равнинах среднеазиатского междуречья.

6. Расовый тип таджиков изучен в настоящее время довольно хорошо. Они являются типичными представителями европеоидного темнопигментированного брахикефального типа, хорошо изученного Л. В. Ошаниным, А. И. Ярхо и нами.

Нужно, однако, отметить некоторую, хотя и очень слабую, монголоидную примесь, которая яснее проявляется у равнинных таджиков и совсем слабо — у горных.

Общее направление изменений, связанных с уменьшением даже слабо выраженных монголоидных черт, идет от равнин к горам. Такое направление изменчивости антропологического типа отражает развитие древнего населения среднеазиатского междуречья в высокогорных, трудно доступных районах, проходившее более изолировано от монгольских и турецких кочевников, являвшихся носителями монголоидного расового типа.

Таджики равнин несколько приближаются по типу к узбекам, в особенности к городским и к давно перешедшим к оседлости, т. е. ранее ассимилировавшимся с коренным местным населением. Расовый же тип современных узбеков, имея в основе европеоидный брахикефальный тип древних аборигенов страны, в которой они осели, является в разной степени метисированным, так как у узбеков до настоящего времени сохранилось еще много черт их первоначального расового типа, характери-

зовавшегося многими монголоидными чертами и бывшего, вероятно, тоже не однородным.

7. Чтобы выяснить, насколько древен расовый тип таджиков в местах их коренного обитания, мы должны рассмотреть имеющиеся палеоантропологические материалы на территории бывшей Согдианы и Средней Азии в целом. К сожалению, этот материал пока еще очень невелик, так как систематическое археологическое исследование Средней Азии, в сущности, началось совсем недавно. Большая часть материалов еще не опубликована.

Имеющиеся по современному человеку (*Homo sapiens*) и известные нам материалы мы можем разбить по эпохам и этнической принадлежности их на 4 группы.

8. К первой группе относятся черепа из известных раскопок Пампеллы в Анау близ Ашхабада. Эти черепа из северного кургана с остатками культуры энеолитической эпохи датируются рубежом IV и III тысячелетия до н. э. Все они, по определению Серджи, являются долихокефальными, европеоидными по типу, принадлежащими к средиземноморской расе.

К этому же типу относятся и два верхнепалеолитические черепа из Мочайской пещеры (Узбекская ССР), раскопанные в 1939 г., хранящиеся в Узбекском филиале Академии Наук СССР и выставленные на текущей сессии.

9. Ко второй группе относятся материалы из погребений кочевников, датируемые последними веками до нашей эры и первыми веками нашей эры. К этой группе относятся погребения, раскопанные Г. В. Григорьевым в 1938 г. в курганах близ Янги-Юля Ташкентской области и относимые им к «сакской» культуре. Изученные нами в 1939 г. и еще не опубликованные антропологические материалы из этих погребений оказались принадлежащими к долихокефальному европеоидному типу. К сожалению, материалы эти количественно незначительны.

К этой группе относятся погребения усуней близ г. Каракол, раскопанные М. В. Воеводским и М. П. Грязновым в 1929 г. Черепа из этих погребений, изученные Т. А. Трофимовой, относятся к европеоидному типу, причем пять из семи оказались брахикефальными, а два приближаются к долихокефальным.

Сходными с этими оказались и черепа из гуинских погребений из раскопок Г. В. Григорьева под Янги-Юлем в 1938 г. и также изученные нами. Три черепа из этих погребений, датируемые IV—V вв., оказались европеоидными, причем два из них — брахикефалы, а третий, поломанный, — повидимому, мезокефального типа.

Большой и интереснейший антропологический материал собран при раскопках Кенкольского катакомбного могильника в

долине р. Талас Киргизской ССР. Раскопки здесь производили Гейкель в 1898 г. и А. Н. Бернштам в 1938 и 1939 гг.

Антропологические материалы из раскопок Гейкеля были изучены Г. Ретциусом и опубликованы вместе с археологическими материалами лишь в 1918 г., а материалы из раскопок 1938—1939 гг. были изучены нами совместно с Е. В. Жировым в 1940 г.

По Бернштаму, Кенкольский могильник хорошо датируется началом нашей эры и относится к северным гуннам.

Материалы, добытые в последние годы, совершенно сходны с добытыми полвека назад.

Основной особенностью захороненных в Кенкольском могильнике является хорошо выраженная кольцевая деформация черепов большинства как мужчин, так и женщин, придающая черепной коробке ясно выраженную конусовидную форму. Деформация эта проделана на базе брахицефальной формы черепа, в отличие от многочисленных конусовидных черепов, найденных при раскопках в Крыму и на Северном Кавказе, основой для которых являлась долихоцефальная черепная коробка.

Несколько черепов из Кенкольского могильника, мало или совсем не деформированных, являются брахицефальными.

При индивидуальном изучении двадцати черепов взрослых лиц оказалось, что девять из них относятся к монголоидному типу, хотя иногда и не резко выраженному. Восемь черепов относятся к смешанному типу, сочетая в себе как европеоидные, так и монголоидные черты. Лишь три черепа имеют явно преобладающие европеоидные черты. Эти три черепа, по Бернштаму, принадлежали рабам, захороненным при входе в катакомбы с основным захоронением.

Расовый тип в целом, несмотря на явно метисное происхождение захороненных в Кенкольском могильнике, все же довольно однородный, характеризующийся ослабленной монголоидностью (к нему относился и захороненный в кургане из Нолы-Улы) и, повидимому, близок к типу В, выделенному Бартушем среди гунов (аваров).

Приведенные материалы показывают, что кочевники Средней Азии в начале нашей эры были не однородны по своему расовому типу.

Кочевники южных районов — усунь и южные гунны (хунны-эфталиты), являвшиеся, повидимому, местными аборигенами, имели ясно выраженный европеоидный расовый тип, чем отличались от северных гунов, что отмечено как китайскими, так и византийскими источниками. Этот тип в основном — европеидный брахицефальный.

Около трети долихоцефальных черепов относится к европеоидному же типу и сходны с приведенными выше черепами саков. Последние пока являются наименее

изученными в антропологическом отношении. Имеющиеся материалы, указывающие на их сходство с туркменами, подтверждают происхождение последних от скифских племен.

Погребенные в Кенкольском могильнике северные гунны, повидимому, пришлое для Средней Азии происхождения, хотя и метисированные с местным брахицефальным элементом.

10. К третьей группе материалов относятся более поздние погребения из зороастрийских кладбищ разных районов Средней Азии, датируемые с VII по XIII вв. нашей эры, изученные нами и Е. В. Жировым, а также несторианские погребения XIII—XIV вв., изученные Г. Ф. Дебецом.

Эти погребения представляют для нашей темы наибольший интерес, так как принадлежат местному оседлому населению, согдийцам.

Черепы из зороастрийских кладбищ, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР, были получены в последние годы из разных мест, а именно: из окрестностей Джамбула, раскопанные в 1939 г. Пацевичем и датируемые VII—IX вв. н. э.; из окрестностей Самарканда (Фринкент), раскопанные в 1936 г. Григорьевым, датируемые XIII в., и из Чуйской долины, раскопанные в 1940 г. А. Н. Бернштамом.

По данным Жирова, изучившего их в 1940 г., расовый тип населения из этих погребений — европеоидный, брахицефальный или приближающийся к нему. Характерной чертой всех этих погребений является очень высокое лицо, аналогом которому является только тип, представленный у населения Луристана (Западный Иран) и описанный недавно Филдом. Это могло бы навести на мысль о том, что речь идет о погребенных выходцах из Ирана, если бы из истории не было известно, что зороастризм был в Средней Азии господствующей религией еще до начала нашей эры.

В 1942 г. нам удалось изучить значительную часть черепов из Фринкента, хранящихся в Самаркандском музее, и мы можем присоединиться к выводам Жирова.

Дебеч изучил черепа из несторианского кладбища XIII—XIV вв. в Чуйской долине, раскопанные Пантусовым в 1886—1888 гг. Эти черепа также относятся к брахицефальному европеоидному типу.

Изложенные материалы показывают, что местное оседлое население Средней Азии, как в области южной части среднеазиатского междуречья, так и к северо-востоку от Яксарта (Сыр-Дарья), в конце I и начале II тысячелетия н. э. было по типу европеоидным, брахицефальным.

11. Наконец, к четвертой группе материалов относятся черепа из погребений еще более поздних, приближающихся к современному. К сожалению, эти материалы тоже мало опубликованы.

Череп, привезенные еще А. П. Федченко из окрестностей Самарканда и Ташкента, были в свое время опубликованы А. П. Богдановым, а в недавнее время изучены по современной методике Т. А. Трофимовой. Эти черепа оказываются принадлежащими к европеоидному брахикефальному типу.

Череп из Макшеватских пещер в Зеравшанском хребте, вблизи р. Искандер-Дарья, привезенные Бобринским и Богоявленским из их первой экспедиции в 1895 г. и изученные Зографом, также имеют европеоидный брахикефальный тип.

К этому же типу относятся черепа из самаркандских кладбищ, как изученные Яворским в начале этого столетия, так и добытые экспедицией Академии Наук в 1926—1927 гг., а также два современных черепа таджиков из верховьев Аму-Дарьи (Пянджа), привезенные нами из экспедиции 1932 г., хранящиеся в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР.

Совсем недавно мы имели возможность изучить хорошую серию черепов из кладбища в г. Бухаре, хранящихся в Самаркандском медицинском институте. Эти черепа имеют в основе также европеоидный брахикефальный тип, причем на них хорошо можно проследить процесс метисации коренного местного населения с турецкими завоевателями, которые, судя по краниологическим особенностям, близки к населению Алтая.

Приведенные материалы показывают, что уже и после образования узбекских ханств местное коренное население принадлежало к европеоидному короткоголового расовому типу, хотя в некоторых местах (Бухара) процесс метисации его с позднейшими турецкими завоевателями проходил довольно интенсивно.

12. Из всего изложенного выше, несмотря на немногочисленность палеоантропологического материала по Средней Азии, все же можно видеть, что основным расовым типом местного населения, по крайней мере в течение последних двух с половиной тысяч лет, был европеоидный брахикефальный тип, который является основным расовым типом области среднеазиатского междуречья, и в настоящее время в наиболее чистом виде представлен у таджиков, в особенности у горных.

Таким образом, антропологические материалы хорошо доказывают, что таджики являются носителями древнего в этих местах антропологического типа и что в горных районах этот тип сохранился лучше, благодаря тому, что население этих районов меньше подвергалось влиянию завоевателей и контакту с ними. Недаром здесь повсеместно сохранились еще до сих пор остатки зороастризма в виде так называемого алоу-хона, т. е. помещения при мечетях, где мужчины собираются у огня.

Чрезвычайно важным фактом, подтвер-

ждающим наше заключение, является то, что население Ягноба, развивавшееся все время в наибольшей изолированности от пришельцев, по своему расовому типу сходно с горными таджиками.

13. Чтобы учесть влияние других народов, как более древних, так и более современных, на этногенез таджиков, нужно рассмотреть данные сравнительно антропологического изучения.

Оказывается, что таджики, в особенности равнинные, имеют много сходных или близких расовых черт с народами, обитающими к северо-западу, северу и востоку от основных мест обитания таджиков [узбеки, каракалпаки, отчасти киргизы (ферганские), уйгуры и население Восточного Туркестана].

Народы же, расположенные к западу и югу от таджиков (туркмены, иранцы, индо-афганцы), имея много сходных с таджиками черт, резко отличаются от них по головному указателю.

Горные таджики по типу очень сходны с припамиирскими иранцами, которые, по предположению Л. В. Опанина, являются остатками коренного населения Бактрианы, обладавшего расовым типом, сходным с населением Согдианы.

Обращает на себя внимание очень большое сходство таджиков, в особенности горных, а также припамиирских иранцев со среднеазиатскими евреями.

14. Сходство таджиков, в особенности равнинных, с узбеками и каракалпаками зависит от двух взаимно дополняющих друг друга причин. С одной стороны, и узбеки и каракалпаки, бывшие кочевниками турецкого происхождения, сравнительно совсем недавно растворились при оседании в области среднеазиатского междуречья в местном населении Согдианы и Хорезма, образовав в различной степени метисированный тип. С другой стороны, таджики равнин, сохранившие свои этнические черты, продолжали, хотя и в малой степени, смешиваться с осевшими и воспринявшими их культуру новыми соседями. Отсюда на европеоидном типе таджиков появились монголоидные черты, выраженные в очень слабой степени, причем в равнинах больше, чем в горах.

15. Сходство расового типа таджиков с оседлым населением Восточного Туркестана не связано с прямым влиянием друг на друга, а является результатом очень далекого прошлого, так как население и Согдианы и Восточного Туркестана и в прошлом имело одинаковый расовый тип. Об этом говорят имеющиеся, хотя пока и немногочисленные, палеоантропологические материалы из Восточного Туркестана, опубликованные Кизсом (Keith), датированные I тысячелетием н. э.

Влияние уйгур в восточных областях Согдианы не могло значительно отразиться на расовом типе таджиков, так как они в основном относятся к одному типу. Можно считать, что и население Восточ-

ного Туркестана и иугуры, живущие теперь главным образом на стыке Восточного Туркестана и Средней Азии, сами приобрели некоторые монголоидные черты в сравнительно недавнее время.

16. Некоторые черты сходства таджиков с киргизами больше всего проявляются в Фергане, где киргизы несколько менее монголизированы, чем в горах Тянь-Шаня, а таджики — несколько более, чем в других местах. Интересно отметить, что в Фергане как среди таджиков, так и среди узбеков и киргизов несколько чаще отмечается более светлая пигментация, чем в других районах Средней Азии. Это является результатом влияния на население Ферганы населения Алтае-Саянского нагорья, которое, по крайней мере частично, было депигментировано.

У таджиков Каратегина можно подметить антропологические черты близости к памирским киргизам, что является, вероятно, результатом некоторого контакта с ними через Заалайскую долину.

17. Почти полное сходство таджиков горных районов с припамиирскими иранцами — результат их одинакового развития из коренного населения Согдианы и Бактрианы, при котором и те и другие подвергались минимальному воздействию со стороны завоевателей.

О сходстве горных таджиков (каратегинцев) с ягнобцами и о возможных причинах этого указывалось выше.

18. Сходство горных таджиков со среднеазиатскими евреями, пришедшими сюда на рубеже I и II тысячелетия н. э. и жившими здесь все время изолированно, зависит от того, что в расовом типе таджиков переднеазиатские элементы или сходные с ними являются очень древними, возникшими не только в результате влияния завоевателей из Передней Азии в середине I тысячелетия до н. э. (персы, греки), но, вероятно, еще задолго до этого, ибо уже согдийцы были носителями брахикефального европеоидного типа, широко распространенного на полосе от Альп до Памира.

19. Арабы, завоевавшие Согдиану в VII в. н. э., оставили небольшой след на расовом типе таджиков. Возможно, что здесь осели племена, обладавшие переднеазиатским расовым типом, и они, как и евреи, были с самого начала близки по расовому типу к таджикам. Может быть и то, что завоеватели, смешиваясь с местным населением, очень быстро приобрели его тип, хотя и сохранили свою национальность.

Поэтому арабы, сохранившиеся до сих пор в Средней Азии небольшими отдельными группами, наиболее близки по типу к горным таджикам и припамиирским иранцам, как и евреям.

Можно думать, что переднеазиатская раса была в прежнее время распространена значительно шире, чем сейчас.

20. Наиболее интересным моментом в

этногенезе таджиков является факт почти полного отсутствия влияния на них длинноголового расового типа, свойственного иранцам, индоафганцам и турменам.

Влияние на расовый тип таджиков основного типа иранцев (хорасанского, по Л. В. Ошанину) почти совершенно не чувствуется, несмотря на то, что Иран уже очень рано был связан с культурой местного оседлого населения и в дальнейшем связь с Ираном почти никогда не прекращалась; — всегда были выходцы оттуда.

Здесь можно предположить следующее. При завоевании персами Средней Азии сюда попали главным образом элементы из Передней Азии, бывшие в составе большого войска Дария. Эти элементы не могли оставить большого следа на расовом типе таджиков, так как они тоже принадлежали к короткоголовому европеоидному типу, да и осело их тогда очень немного.

Иранцы же, попавшие на территорию Согдианы в более позднее время, осели здесь хотя и непрерывно на протяжении веков, но, по видимому, тоже в небольшом количестве.

Хорасанский тип, к которому, по видимому, принадлежало большинство более поздних выходцев из Ирана, отличается от переднеазиатского типа только длинноголовостью, а этот признак, будучи рецессивным, может легко раствориться в значительно преобладающем численно короткоголовом типе.

Поэтому несмотря на несомненные длительные связи с Ираном на расовом типе таджиков это почти не отразилось. Во всяком случае, иранцы, издавна обитающие на территории Средней Азии, не смешавшись с местным населением («иранцы»), по физическому типу вполне схожи с таджиками, отличаясь только более высоким ростом.

21. Влияние индо-афганцев не могло быть большим, так как Гиндукуш является достаточно серьезным препятствием для более или менее заметного их контакта с таджиками. Поэтому на северных склонах этого хребта обитают племена короткоголового расового типа, а на южных — длинноголового.

Только у населения Восточного Дарваза можно уловить влияние длинноголового типа в виде небольшого понижения головного указателя по сравнению с таджиками из других мест.

У племен Западного Памира головной указатель не только не уменьшается, а даже — по направлению от Дарваза к югу — увеличивается. Это увеличение указателя показывает на прошлые связи населения Западного Памира с афганским Бадахшаном, население которого тоже характеризуется круглой формой головы.

Совершенно не отмечается влияние на таджиков расового типа туркмен.

22. Все изложенное позволяет сделать заключение, что таджики, несомненно, являются потомками коренного местного населения (согдийцев) и сохранили свой антропологический тип по крайней мере в течение двух с половиной тысяч лет.

Конечно, местное население не развивалось изолированно, замкнутое само в себе. Среднеазиатское междуречье многократно подвергалось завоеваниям как с юго-запада, так и с северо-востока, однако материальная культура местного населения была настолько высока, что пришельцы оседали здесь и в значительной степени растворялись в местном населении.

Более древние завоеватели мало повлияли на расовый тип таджиков, так как оседали здесь в сравнительно малых количествах и сами были частично схожи по типу с местным населением. Группы же, несхожие по типу, как, например, иранцы (возможно и арабы), относясь также к

европеоидной расе и отличаясь лишь некоторыми чертами (строением носа, более обильным развитием волосного покрова, а главное — более длинной формой головы), настолько смешались с местным населением, что в настоящее время трудно подметить их влияние на физический тип последнего. Иранцы, находившиеся всегда в большой культурной связи с населением Согдианы, очень мало повлияли на физический тип его.

Во II тысячелетии н. э. этногенез таджиков происходил главным образом при участии народов, живших или осевших к северу и востоку от мест обитания таджиков. Сравнительно недавнее соприкосновение с узбеками и киргизами заметно отразилось на физическом типе таджиков равнины и очень мало — на горных таджиках. Народы, обитавшие к западу и югу от таджиков, в их этногенезе в то время почти не участвовали.

А. Ю. Янубовский

Из истории этногенеза туркменского народа в VIII—X вв.

1. Тот взгляд, что туркменский народ появился на территории современной Туркменской ССР лишь в связи с сельджукским движением первой половины XI в., не соответствует исторической действительности.

2. Арабская географическая и историческая литература IX—X вв. отмечает нахождение гузов (огузов, туркмен) на юго-западной границе Туркменской ССР, уже начиная с первой половины IX в. Когда и при каких обстоятельствах произошло внедрение сюда этих огузов — нам не известно.

3. Отмечая указанный выше факт, следует подчеркнуть, однако, что вплоть до XI в. (сельджукское движение) главная масса огузов жила на нижней Сыр-Дарье, Эмбе и Яике, откуда и шло передвижение их в пределы современной территории.

Повидимому, значительное передвижение огузов произошло после 894 г., когда печенеги оставили район Аральского моря и ушли на северо-запад, в юго-восточную Европу.

4. Передвигаясь в IX в. на территорию современной Туркменской ССР, огузы (гузы, туркмены) застали на ней другие тюркские племена и народности. К ним относятся тюрки Дихистана, наличие которых арабские историки отмечают в связи с арабским завоеванием в самом начале VIII в. и даже в VII в., в доарабское время. К ним относятся и тохаристанские тюрки, о которых арабские авторы упоминают в связи с описанием смерти в

651 г. последнего сасанидского царя Иездигерда III.

5. Огузы не были, таким образом, первыми тюрками, которые начали на территории Туркменской ССР процесс тюркизации бывшего здесь кочевого населения. Процесс этот начался значительно раньше и связан с упомянутыми выше тюрками VII—VIII вв.

6. Кто были те тюрки, которых отмечают арабские авторы в VII—VIII вв., главным образом в связи с арабским завоеванием Хорасана и Тохаристана?

Ввиду того что во всех местах, где отмечены арабами эти тюрки, раньше жили эфталиты, отсюда никуда не ушедшие, а также в силу того, что арабские авторы путали эфталитов и тюрков, мы выдвигаем гипотезу об эфталитском происхождении этих тюрков.

7. Ал-Бируни в XI в. в одной из своих работ отмечает, что на территории туркмен раньше жили аланы и что в его время их язык стал смешанным из хорезмского и печенежского.

8. Подводя итог, следует сказать, что в состав туркменского народа вошли не только огузы IX—X вв., но и тюрки-эфталиты и, наконец, как весьма важное слабое — аланы.

9. Третья волна огузского туркменского передвижения, нашедшая свое высшее выражение в сельджукском движении первой половины XI в., завершила в основном процесс сложения народа, который, начиная с XII в., все больше принимает имя туркмен.

Г. Ф. Дебёц

Данные антропологии о происхождении туркмен

1. Промежуточное положение «среднего типа» туркмен в расовой систематике между европеоидами и монголоидами является результатом смешения рас, а не их эволюции.

2. Существующая гипотеза, объясняющая образование антропологического типа туркмен в результате смешения средиземноморского («иранского») и южно-сибирского («тюркского») типов, лишь частично соответствует фактическому материалу.

3. Наряду с этими двумя типами в составе туркмен имеется третий элемент, характеризующийся сочетанием долихо-мезокефалии с монголоидными особенностями.

4. По времени проникновения на территорию Средней Азии этот «третий эле-

мент» является более древним, чем южно-сибирский. Следовательно монголоидная примесь у туркмен образовалась в значительной части за счет более ранней волны, чем та, которая принесла с собой монголоидные типы казахов, киргизов и, вероятно, узбеков.

5. Этнически и географически этот «третий элемент» в расогенезе туркмен может быть связан либо с гуннами, либо с еще более древними типами, родственными современным тибетцам.

Разрешение вопроса об этнической и географической локализации «третьего элемента» требует: а) привлечения данных смежных наук, б) палеоантропологических материалов; в) данных по антропологии отдельных туркменских племен, в особенности — мелких.

Этнографическая работа в Киргизии

Этнографическая работа в Киргизии в 1941—1945 гг. не получила большого развития ввиду отсутствия специальной организации, занимающейся этими вопросами. Однако отдельные работы в области этнографии заслуживают внимания.

В 1940—1941 гг. Историческим отделом Комитета наук при СНК Киргизской ССР была проведена этнографическая поездка на Тянь-Шань в район озера Сон-Куль, где в течение нескольких месяцев изучались этнографические материалы как в области материальной культуры, так и в области социальных отношений и идеологических воззрений. Участнику экспедиции тов. Ильясову удалось собрать значительный материал, где особенно интересными являются записи по шаманству киргизов, описание шаманских костюмов и ритуала их заклинаний и т. д. Большой интерес представляют сведения по пережиткам древних форм социальных отношений; так, зафиксированы обычаи, являющийся по существу реликтом древнейших социальных отношений эпохи группового брака. Многочисленные материалы экспедиции ныне хранятся в архиве Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии Наук СССР.

В ноябре 1941 г. был открыт историко-археологический отдел Музея краеведения, где нашла свое место экспозиция этнографических материалов музея, описание которых дано в путеводителе.¹

¹ Путеводитель по историко-археологическому отделу составила М. С. Акимова под общей редакцией А. Н. Бершштама. Фрунзе, 1943.

В этнографической выставке, являющейся продолжением археологического отдела, показаны изделия из кожи и дерева, большая коллекция войлочных изделий — алакизов и ширдаков, настенных ковров — тушккизов, богатая коллекция женских украшений.

Эти коллекции выставлены в качестве систематизированных фондов, ибо их недостаточность не позволяет пока развернуть тематическую выставку. В настоящее время музеем развернута большая работа по сбору как этнографических материалов, так и документов по истории Великой Отечественной войны. На базе всех коллекций историко-археологических и этнографических Музей краеведения реконструирован в Музей национальной культуры.

Интересную работу по изучению фольклора проводили научные работники Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии Наук СССР, особенно старшие научные сотрудники [К. Рахматулин] и М. И. Богданова.

К. Рахматулин, являясь лучшим знатком героического эпоса «Манас», посвятил ему ряд своих исследований.²

Отрывки из эпоса на киргизском языке нашли свое отражение в ряде изданий Института, который кроме изданий эпоса «Манас» выпустил пословицы и поговорки киргизского народа.

² Об этом см. нашу рецензию в данном сборнике: К. Рахматулин. Великий патриот — легендарный Манас.